

Духовная сфера восьмого уровня

Таузендлиф согласно кивнул:

— Я даю тебе три дня. Фэй Сюань, ты лучше знаешь мирские королевства, так что ты будешь сопровождать Тан Хуна.

Закончив отдавать распоряжения, Таузендлиф оглядел собравшихся:

— Помните: жив он или мертв, Цзян Чэнь - член Секты Дивного Дерева. Мы должны защищать его родных и друзей. Если кто-то пойдет против них, это все равно, что пойти против секты. Если я узнаю, что кто-то им угрожает, я этого так не оставлю!

Цзян Чэнь был теперь сокровищем Секты Дивного Дерева, причем самым ценным.

Как мог старейшина Таузендлиф позволить семье Те подвергать травле близких Цзян Чэня? Если семья Те разозлит Цзян Чэня, они могут навлечь гнев на всю секту, и тогда все усилия Таузендлифа будут напрасны!

Поэтому старейшина Таузендлиф лично вынес предупреждение всем потенциальным недоброжелателям Цзян Чэня.

Отец и сын Те были удручены услышанным. Они поняли, что это значит: рано или поздно семья Те окажется под пятой Цзян Чэня!

Сейчас они думали только об одном: лишь бы Цзян Чэнь навсегда остался на Горе Вечного Духа. Пусть он упокоится там навеки!

В Королевстве Небесного Дерева все обитатели усадьбы Цзян знали, что отбор закончился, но были поражены тем, что Цзян Чэнь вернулся с Горы Вечного Духа.

Цзян Фэн уже давно покинул усадьбу, так что дома остались лишь троюродный дядя Цзян Чэня Цзян Тун и его кузен Цзян Юй.

Никто из них не мог распоряжаться в усадьбе Цзян, поэтому последнее слово оставалось за Гоуюй.

— Я - Тан Хун, и Цзян Чэнь - мой босс. Я не брошу его семью в беде. Если вы нуждаетесь в защите, можете обратиться к Секте Дивного Дерева. Мы можем гарантировать вашу безопасность.

— Мы ценим ваши добрые намерения, но мы решили остаться здесь и дожидаться возвращения молодого господина, — твердо ответила Гоуюй.

Она не верила, что Цзян Чэнь погибнет, и была абсолютно уверена, что он непременно вернется в целостности и сохранности.

Ту же твердость проявили и остальные стражи, возглавляемые Сюэ Туном. Они не хотели перебираться к Секте Дивного Дерева, предпочитая остаться в столице.

Они приняли твердое решение. Если их молодой господин еще не примкнул к Секте Дивного Дерева, то и они, будучи его последователями, повременят с этим. В противном случае они

поступили бы недостойно.

Хотя все они были мирскими учениками, они много времени провели с Цзян Чэнем и переняли его четкие моральные принципы и придавали большое значение чувству собственного достоинства.

Тан Хун невольно вздохнул с восхищением:

— Вы, ребята, отличные последователи босса, этого не отнять! Сходство с боссом просто налицо. Ладно, оставайтесь здесь, если хотите. Если кто-нибудь явится сюда с дурными намерениями, просто упомяните мое имя или сходите в секту к старейшине Таузендлифу. Собственно, эти распоряжения отдал сам старейшина Таузендлиф!

Старейшина Таузендлиф, досточтимый культиватор изначальной сферы, лично обеспокоился их безопасностью! Гоуэюй и остальные обитатели усадьбы преисполнились гордости.

Что же все это означало?

Это означало, что их молодой господин достиг невероятных высот. Его ценил даже культиватор изначальной сферы. Хотя было неизвестно, жив Цзян Чэнь или мертв, старейшина все равно старался защитить приближенных талантливого юноши.

Это косвенно указывало на статус их молодого господина.

Когда Тан Хун ушел, наследный принц Е Жун и Тянь Чжао из Гвардии Драконьего Клыка пришли проведать обитателей усадьбы. Несмотря на то, что Цзян Чэнь так и не вернулся, они были весьма обходительны и дружелюбны.

.....

Время пролетало незаметно; дни и месяцы пролетали со скоростью пряжи в руках умелой ткачихи.

Незаметно прошло полгода.

Через полгода упорного труда Цзян Чэнь полностью освоился с духовной сферой седьмого уровня и даже демонстрировал признаки грядущего прорыва на следующий уровень.

В небесном секторе концентрация духовной энергии была в десять раз сильнее, чем во внешнем мире. Полгода занятий культивированием здесь равнялись трем-пяти годам культивирования во внешнем мире, а то и того больше.

Эти полгода Цзян Чэня ничто не отвлекало. Ему не нужно было беспокоиться об экзаменах, противниках, баллах или турнирной таблице.

Поэтому, если не считать периодических разговоров со старейшиной Шунем и Хуан-эр, все это время Цзян Чэнь занимался культивированием.

Через три месяца Чу Синхань вышел из комы. Когда он узнал, что его спасителем стал Цзян Чэнь, его душу охватил ураган противоречивых эмоций.

Но все-таки он был разумным человеком. Когда Лун Цзяйсюэ нанесла ему удар, он понял, что его всем его связям с Сектой Багрового Солнца конец.

Цзян Чэнь не стал его подбадривать. Теперь, после пробуждения, Чу Синхань должен был сам найти в себе силы вернуться на путь боевого дао и обрести веру в себя.

Сначала Чу Синхань не чувствовал внутри себя ничего кроме пустоты. Но чем больше он наблюдал за тем, как упорно тренируется Цзян Чэнь, тем больше он заражался его энтузиазмом.

Он узнал, что Цзян Чэнь разрубил Лун Цзяйсюэ напополам во время матча.

У Чу Синханя словно камень с души свалился. К нему словно вернулись все его душевные силы.

«Даже Лун Цзяйсюэ с ее врожденной конституцией была разрублена напополам. Очевидно, на пути боевого дао так называемые гении с их непомерной гордыней ничего не стоят. Я – человек, чей мастер оставил меня, чьи товарищи пытались убить меня; раз уж я выжил, несмотря ни на что, чего же мне жалеть себя? Что мне еще терять?»

Вдруг Чу Синхань осознал, какую услугу оказал ему Цзян Чэнь, и сколько усилий он вложил в то, чтобы выходить его, пока тот пребывал в коме.

«Цзян Чэнь...»

Чу Синхань посмотрел в сторону жилища Цзян Чэня, и на его лице появилось задумчивое выражение. Он знал, что Цзян Чэнь спас его, что он был до сих пор жив лишь благодаря пилюлям Цзян Чэня.

Побывав на краю гибели, Чу Синхань обрел великую мудрость и глубокое понимание человеческой природы.

«Подумать только: меня хотела убить моя наставница, которой я служил верой и правдой, а спас меня человек, которого я считал врагом и изо всех старался погубить. Какая ирония! Мои дурацкие мысли о сыновней преданности ослепляли меня всю мою жизнь и чуть не свели меня в могилу».

К Чу Синханю вернулась ясность мышления; он осознавал, насколько же сильно ему повезло.

Особенно на фоне Мастера Шуйюэ, чьи ученики пропадали один за другим; даже его бывший старший брат ушел в Секту Парящего Ветра.

«Я должен жить дальше!» Чу Синхань ощутил невероятную жажду жизни. «Цзян Чэнь спас меня. Я всегда плачу добром за добро. Я обязательно отдам ему долг, даже если для этого придется погибнуть».

Стоило Чу Синханю вновь захотеть жить, как его сильное сердце дао вновь наполнило его мотивацией продолжать тренировки.

В этот день Цзян Чэнь вдруг почувствовал значительные перемены в своем духовном океане; он явно был на пороге прорыва.

Цзян Чэнь был обрадован такими переменами. Ему казалось, что прорыв на восьмой уровень потребует больше времени. Он не думал, что это случится так скоро.

Раз уж все так удачно складывалось, как мог Цзян Чэнь упустить такой момент?

Он собрал все силы для решительного рывка, чувствуя, как активировался его духовный океан, стремящийся к новому уровню.

Наконец, когда поток духовной ци проделал полный оборот, Цзян Чэнь сделал шаг вперед в духовной сфере и достиг восьмого уровня.

«Ух ты! Я и подумать не мог, что так быстро достигну восьмого уровня!»

Цзян Чэнь не собирался медлить; достигнув нового уровня, он тут же начал закреплять основы.

.....

В жилище неподалеку Старейшина Шунь стоял во дворе, сложив руки за спиной и спокойно глядя в сторону жилища Цзян Чэня. Он слегка вздохнул. «Этот Цзян Чэнь – поистине удивительный гений. Сколько же тайн скрывает этот юный гений? Или его действительно коснулась божественная длань?»

После неожиданного возвышения Цзян Чэня в Восточном Королевстве, многие считали, что в него вселилось некое божество.

Старейшина Шунь слышал об этом в Зале Исцеления, но не придал этим слухам никакого значения.

Но теперь даже им овладели сомнения: неужели в его случае и вправду имело место божественное вмешательство?

В этом мире те, кто дальше других продвинулись на пути дао, лучше понимали пути богов.

Старейшина Шунь никогда не сомневались в существовании богов. Именно поэтому он сомневался в том, что в Цзян Чэня вселилось некое божество.

Теперь, размышляя о судьбе Цзян Чэня, Старейшина Шунь думал, что здесь и впрямь не обошлось без вмешательства свыше. Он внимательно следил за Цзян Чэнем, а потому был осведомлен лучше, чем четыре старейшины.

Но все-таки Старейшина Шунь был благородным человеком. Как бы удивительны ни были его подвиги, он не хотел лезть не в свое дело.

Он понимал, что если он станет слишком назойливым и будет постоянно донимать Цзян Чэня расспросами, молодой гений заподозрит неладное и, быть может, даже разозлится.

Этого могло негативно сказаться на его отношениях со старейшиной и Хуан-эр, которая нуждалась в лечении.

Старейшина Шунь знал, что у каждого гения была своя судьба и свой путь. Расспросы могли вызвать у культиватора подозрения: уж не замыслил ли докучливый собеседник что-нибудь дурное?

Но старейшина Шунь не желал Цзян Чэню зла, он был бесконечно благодарен ему за правильный диагноз и лечение Хуан-эр. Поэтому он не стал расспрашивать Цзян Чэня об источнике его невероятных знаний и силы.

Цзян Чэнь так же был несклонен разглаживать о своих секретах.

— Хуан-эр, как ты себя чувствуешь, что-нибудь изменилось за эти полгода? – с легким вздохом спросил ее старейшина Шунь.

— Хуан-эр чувствует себя намного лучше благодаря рекомендациям Господина Цзяня. Даже когда мне казалось, что вот-вот начнется приступ, Небесная Умиротворяющая Мелодия неизменно помогала мне и подавляла симптомы. Господин Цзян – невероятно талантливый человек.

Всякий раз, когда Хуан-эр упоминала Цзян Чэня, в ее голосе слышалась неподдельная благодарность и восхищение.

— Да, Цзян Чэнь наверняка обладает невероятным наследием, о котором никто не знает. Хуан-эр, кто бы мог подумать, что предсказание старика Цянь Ци сбудется с такой точностью? Мне даже интересно, каких высот Цзян Чэнь сможет добиться в дальнейшем? Теперь я жду от него куда большего, чем раньше.

Старейшина Шунь не скрывал своей симпатии к Цзян Чэню.

— Раз Старейшина Шунь такого высокого мнения о Господине Цзяне, почему бы вам не взять его в качестве личного ученика? – полушутя произнесла. Хуан-эр.

Старейшина Шунь усмехнулся:

— Должен сказать, что я подумывал об этом. Однако теперь, понаблюдав за Цзян Чэнем, я отказался от этой затеи, чтобы не тратить время в пустую.

— Почему вы так говорите? – удивленно спросила Хуан-эр.

— Цзян Чэнь придерживается четких принципов. У него есть план, и он безукоризненно следует ему. Так поступает истинный гений. К тому же, хотя он и знает, что я намного сильнее четырех старейшин, он совсем не пытался подлизываться ко мне. У него есть чувство собственного достоинства, он привык жить своим умом. Такой гений всегда идет к величию своим путем. Сначала я хотел переманить его к себе, но теперь я уверен, что Цзян Чэнь должен следовать собственному пути. Мне не стоит вмешиваться и сбивать его с толку! – загадочно, словно поддразнивая, произнес Старейшина Шунь.